Я надежно спрятал тебя.

Хотя Гу Яньшу понимал, что собеседник имел в виду то, что другие его больше не видят, он все равно чувствовал, как в сердце замирает боль, словно его пнули без предупреждения.

Оно болело так сильно, но в то же время ощущалось безмерно комфортным.

Он хотел оттолкнуть Шэнь Цзюэ, но, как ни странно, не мог пошевелиться.

Он просто тихо прислонился к стене, укрывшись плащом Шэнь Цзюэ, и наслаждался в темноте знакомым теплом и запахом тела.

Fou d'Absinthe.

Пылкая любовь к абсенту.

Когда Гу Яньшу и Шэнь Цзюэ только-только разошлись, Гу Яньшу не раз вспоминал этот запах. Он не мог уснуть по ночам и страдал от бессонницы. Он обошел все парфюмерные лавки в Пекине, но так и не смог найти этот кислый, горький, пряный и в то же время притягательный аромат.

Лишь два года спустя он случайно узнал название парфюма.

В то время ему казалось, что он уже преодолел свою зависимость от этого аромата, и он недоумевал, почему почему кто-то так горячо любит абсент.

Позже он вспомнил, что название было настоящим. Причина, по которой Ван Гог был одержим абсентом, заключалась в том, что вероятно, его галлюцинаторный эффект мог вызвать обострение чувств до эйфории, и можно даже стать зависимым от этого.

Это также объясняло, почему сейчас он чувствовал одышку. Его пульс участился, а тело нагревалось, как будто он был глыбой льда, которую внезапно бросили в костер, и беспомощно и беспомощно борется.

Послышался звук шагов.

Шэнь Цзюэ, который все еще прикрывал его, поднял подбородок и повернул голову в сторону. Между ними образовался Гу Яньшу поднял голову и увидел луч света, который позволил ему разглядеть Шэнь Цзюэ. Он поднял голову и увидел луч света, дающий возможность разглядеть декольте Шэнь Цзюэ.

Адамово яблоко покатилось вверх-вниз, и он спросил раздраженным голосом: "Ты что, не видел, как пары встречаются?"

Шэнь Цзюэ был очень хорошим актером и мог легко менять тон своего голоса.

Голос, похожий на голос гангстера, звучал вполне достоверно, а шапка и маска идеально закрывали лицо. Рост почти 1,9 метра и широкое пальто полностью скрывали Гу Яньшу. Сквозь узкую тень Шэнь Цзюэ выглядел как молодой бандит, который прижимает свою маленькую возлюбленную к стене для поцелуя.

Две девушки, следовавшие за ними, ничего не заподозрили. Покраснев, они поспешно отошли, но, уходя, продолжали шептаться и обсуждать происходящее.

Несколько слов, сказанных ими, попали в уши Гу Яньшу, отчего его ухо нагрелось. Он оттолкнул Шэнь Цзюэ, в его голосе не было ни капли тепла: "Можешь отпустить меня".

"Они не ушли далеко. Вдруг они повернут назад?"

Шэнь Цзюэ говорил это справедливым и самоуверенным тоном, но внутри его намерения были сугубо эгоистичными.

Гу Яньшу был очень худым, но его нельзя было назвать тощим. В объятиях Шэнь Цзюэ ощущалась какая-то жалкая хрупкость, а от тела исходил легкий аромат. Шэнь Цзюэ захотелось подольше пообнимать его.

Однако едва Шэнь Цзюэ успел продержаться три секунды, как его бедро сильно ударилось о колено Гу Яньшу быстрым, точным и уверенным ударом.

От боли Шэнь Цзюэ втянул в себя холодный воздух.

Гу Яньшу не ослабил хватку. Он отпихнул Шэнь Цзюэ в сторону и холодно произнес два слова: "Спасибо".

Он был бессердечен.

Шэнь Цзюэ как раз собирался рассказать кому-то о том, как нужно быть благодарным, когда его взгляд невольно наткнулся на малиновые ушки и розовый отблеск на шее, выглядывавший из воротника. Тут же он почувствовал, что удар по бедру больше не болит.

Сдерживая желание улыбнуться, Шэнь Цзюэ ответил: "Все в порядке, благодарить меня не за что. Но почему у тебя красные уши?"

Шэнь Цзюэ ответил, как и прежде, холодно: "Пальто было слишком теплым".

Кончики ушей покраснели еще больше.

Шэнь Цзюэ больше не мог сдерживаться, и уголки его губ изогнулись в улыбке.

Гу Яньшу тут же пришел в ярость. Как раз в тот момент, когда он собирался развернуться и уйти, не обращая внимания на собеседника, подоспели следом полицейский и виджей.

Выражение лица Ван Яна, полицейского, было не слишком приятным. "Вас обоих не обнаружили?"

Гу Яньшу вновь обрел спокойствие: "Нет".

Выражение лица Ван Яна стало ярче. "Это хорошо. Только что мы видели двух человек, которые вели себя скрытно, и у них были камеры. Мы подумали, что они странные, но у нас не было никаких доказательств. Если вас обоих не обнаружили, то пойдемте. Сяо Ся уже оплатила счет, и мы встречаемся на подземной парковке".

"Хорошо".

Гу Яньшу ответил спокойно, но на самом деле он не слышал ни слова из того, что сказал Ван Ян.

Он услышал только, что они могут уходить, и, нахлобучив кепку, бодро зашагал к выходу, стараясь не думать о Шэнь Цзюэ и его неконтролируемых мыслях на задворках сознания.

Шэнь Цзюэ проводил взглядом спину Гу Яньшу, который в панике убегал. Сдержав улыбку, он склонил голову набок и прошептал Ван Яну: "Трансляция этой части может вызвать много споров, поэтому ее не стоит включать".

Шэнь Цзюэ поддержал крупнейший инвестор.

Ван Ян быстро согласился: "Конечно".

Затем он тщательно записал его в книгу руководителя сценария.

Когда они добрались до квартала, показалось, что у северных ворот, откуда обычно въезжают и выезжают, кто-то сидит на корточках.

Машина плавно повернула и сделала еще один круг, после чего въехала в южные ворота.

Гу Яньшу притворялся спящим на заднем сиденье, поэтому ничего не заметил.

Вернувшись на виллу, они выложили на стол все большие и маленькие сумки. Выражение лица Ся Цинцяо было мрачным. "После того как мы купили все это, мы стали банкротами".

Мало того, что они разорились, так еще и при оплате счета им не хватило пяти долларов, и ему пришлось обменять коробку конфет, которая всегда была при нем, на деньги пятилетней девочки. Ему стало стыдно, когда он вспомнил этот момент.

Сюй Фанфан утешил его: "Ничего страшного, всех этих продуктов нам хватит на три-четыре дня. Если мы сегодня хорошо обслужим нашего гостя, разве мы не получим больше денег?"

Ся Цинцяо кивнула, затем серьезно посмотрела на Сюй Фанфана: "Но учителя Шэна сегодня нет. Кто будет готовить?"

Сюй Фанфанг: "....."

Она умела готовить только замороженные пельмени и лапшу быстрого приготовления.

Затем они обратили свои взгляды на Цзе Шуан, которая только что закончила макияж.

Цзе Шуан подняла обе руки вверх: "Я умею жарить помидоры с яйцом и яйцо с помидорами".

"....."

Трио посмотрело на Шэнь Цзюэ, который сидел на диване.

Наступила трехсекундная пауза, но прежде чем они дождались, когда Шэнь Цзюэ заговорит, их взгляды уже переместились.

Для молодого мастера из богатых кругов Пекина, на лице которого было написано: "Еда и одежда - все это легко обеспечить", было бы просто фантастикой, если бы он умел готовить.

Все были в отчаянии.

Сотрудники программы дружелюбно напомнили: "Я слышал, что Сяо Шу неплохо готовит".

"Вы серьезно?" Сюй Фанфан был в недоумении.

Гу Яньшу был похож на фею, которая не понимает, каково это - жить как смертный. Неужели

он действительно может готовить?

"Ты узнаешь, правда ли это, когда попробуешь".

Цао Дань тоже мог быть хитрым.

Гу Яньшу с характером отстраненной феи никогда не раскрывал перед камерами свои жизненные навыки. Если бы он успешно готовил, это стало бы ситуацией приземления феи на землю и превратилось бы в маркетинговый трюк.

Если же его готовка окажется неудачной, а сам он будет вести себя неуклюже, то можно будет создать контраст между его внешне холодным характером и внутренне глуповатой личностью. Это могло бы создать еще одну порцию рекламы.

Как бы то ни было, фанбаза Гу Яньшу была ужасающе огромной. И если бы не искра, которую можно было бы раздуть, она стала бы горячей темой.

Полагаясь на Гу Яньшу, этого ребенка интернет-трафика, они значительно облегчили себе жизнь.

Цао Дань продолжал подбадривать их: "В любом случае, все вы не умеете готовить. Даже если Гу Яньшу не умеет, разве он может быть хуже вас? разве он может быть хуже вас?"

В его словах было столько смысла.

Однако Гу Яньшу здесь не было.

Как только они вернулись на виллу, Гу Яньшу дал знак директору выключить микрофон. Затем он отправился в в сад, чтобы ответить на звонок.

Сидя на поле, он держал телефон в руке, глядя вниз и пересчитывая мелкие камешки на траве. На другом конце провода он слушал доклад Фан Юаня.

"Сяо Шу, я провел расследование, о котором ты просил. Президент Е вырос в Америке и только вернулся в страну пять лет назад. Также было установлено, что Шэнь Цзюэ вырос в Пекине.

Более того, судя по материалам, которые удалось найти в Интернете, у семьи Шэнь нет родственников с фамилией Е. Следовательно, они не должны были быть знакомы ранее.

Однако я обнаружил, что U.N. недавно получила большой приток капитала. Похоже, студия Шэнь Цзюэ помогала держать некоторые акции, и, похоже, это чисто деловое сотрудничество".

Чисто деловое сотрудничество, которое произошло недавно.

Может ли это быть на самом деле?

Гу Яньшу посмотрел вниз. Между пальцами ног лежал маленький камешек. Он сказал: "Хорошо, я понял".

"О, и еще, сторона программы надеется, что вы сможете отправить им демо-версию песни, музыкальное сопровождение и план оформления сцены к сегодняшнему дню, а вы тем временем подпишете контракт".

"Я должна отправить это к сегодняшнему дню?" Гу Яньшу был только на полпути к перестановке песен. Кроме того, он все еще снимался, так что сроки были довольно сжатыми.

У Фан Юаня тоже не было вариантов. "Если быть точным, они сказали, что завтра к 8 утра. Потому что с завтрашнего дня им нужно начинать готовить сцены, и они не успеют, если будет позже".

Он был тем, кто ворвался в дом, поэтому должен был выполнить свою задачу, несмотря ни на что.

Гу Яньшу не стал задавать лишних вопросов и ответил: "Хорошо".

И положил трубку.

Обернувшись, он увидел Шэнь Цзюэ, который, прислонившись к окну, складывал руки. Шэнь Цзюэ ленивым голосом спросил: "Что-то срочное?"

Гу Яньшу вышел из себя, увидев Шэнь Цзюэ, и его тон стал фригидным. "Неужели учитель Шэнь был воспитан так, чтобы подслушивать чужие разговоры?"

Почему он был так свиреп только с самим собой?

Шэнь Цзюэ беспомощно улыбнулся: "Они попросили меня прийти, чтобы пригласить вас на беседу".

Гу Яньшу успокоился: "Что случилось?"

Шэнь Цзюэ вспомнил слова Гу Яньшу. Несмотря на то что она была отрывочной, нетрудно было догадаться, что речь шла о чем-то срочном, касающемся "Величайшей ступени".

Поэтому он придумал оправдание. "Они спрашивают, есть ли что-то, что ты не ешь".

"Ничего".

"Вот и хорошо. Иди и занимайся своими делами. Мы только что разделили наши обязанности, завтра ты будешь отвечать за завтрак".

Завтрак, несомненно, был самым легким. К тому же, если он будет готовить завтрак завтра, то сегодня у него будет гораздо больше времени, чтобы завершить все дела.

Гу Яньшу неосознанно вздохнул с облегчением, но все равно чувствовал себя несколько виноватым: "Давай я завтра приготовлю ужин".

Шэнь Цзюэ знал его характер, поэтому не стал спорить. "Конечно".

Он повернулся и вернулся на кухню.

Гу Яньшу поднялся наверх, включил ноутбук и принялся за работу.

Увидев, что Шэнь Цзюэ вернулся с пустыми руками, все остальные привстали на цыпочки и посмотрели ему вслед: "А где Сяо Шу?"

"Он занят, улаживает кое-какие дела".

Цао Дань, который намеревался уговорить Гу Яньшу, ребенка интернет-трафика, внести свой вклад в маркетинг, запаниковал. "Разве вы не просите его готовить?"

Шэнь Цзюэ ответил на его взгляд: "Ты видел руки Гу Яньшу?"

Видел.

Красивые и нежные, тонкие и длинные пальцы, четко очерченные костяшки, и даже выступ кости запястья выглядел как кусок нефрита хорошего качества.

Это была настолько совершенная пара рук, что люди фантазировали о ней, но не осмеливались испортить.

Фу.

Эта его мысль была такой гомосексуальной. Цао Дань яростно покачал головой.

Однако ответ был написан на его лице.

Шэнь Цзюэ слегка улыбнулся: "Пара рук, которые с пяти лет играют на фортепиано, так ценна, но он должен кипятить воду и готовить здесь? Что ты пытаешься сделать?"

Цао Дань, на которого вдруг обиделись: ?

"Это всего лишь приготовление еды".

"А если он порежет руку?"

"…."

"Что, если он обожжет руку?"

"……"

"А что, если на руке останется шрам, который изуродует ее?"

Кан Дань был почти доведен Шэнь Цзюэ до смерти.

Глядя на то, как ты защищаешь и заботишься, можно подумать, что мать защищает своего ребенка. Если бы другие не знали, то подумали бы, что Гу Яньшу - твой партнер.

Как он может быть таким неразумным?

Цао Дань вышел из себя. "Ладно, его руки драгоценны. Тогда скажи мне, что нам делать с обедом?"

"А что еще мы можем сделать?"

Шэнь Цзюэ медленно расстегнул рукава рубашки и сложил их, обнажив большую часть своих длинных, стройных, но мускулистых рук, а затем неторопливо произнес три слова.

"Я сделаю это".

http://tl.rulate.ru/book/4161/121323